УДК 1(091)

Самойлов А.Н.

Формирование концепции горизонта как границы топики жизненного мира в феноменологии Э. Гуссерля

Samoilov A.N.

Formation of the horizon concept as the border of the life-world topics in Edmund Husserl's phenomenology

В данной статье рассматриваются основные формы восприятия реальности в феноменологической философии Э. Гуссерля. Представлена эволюция взглядов феноменолога на когнитивный процесс. В работе исследованы концепции гештальта и горизонта как ключевых элементов структуры Lebenswelt. Обозначено соотношение априорных форм созерцания с теорией восприятия в рамках конституции Lebenswelt.

Создание трансцендентальной феноменологии, согласно Э. Гуссерлю, есть формирование подлинной философии. Феноменология служит обретению науками понимания самих себя; в раскрытии трансцендентальной субъективности она позволяет понять отношение между субъектом и сущим, преодолеть существующий разрыв между объективизмом и субъективизмом.

Основоположник трансцендентальной феноменологии продемонстрировал общекультурную значимость концепта Lebenswelt не только для философии и социогуманитарных наук, но и для естествознания. Э. Гуссерль показал, что понимание природы в естествознании нового времени является идеализированной абстракцией жизненного мира, которая ведет науку в область все более глубоко отчуждения от субъекта познания.

Природе сознания присуще стремление к наполненности пространства, и хотя плотность вещей, как и их конфигурация, может различаться от индивида к индивиду, сам принцип наполняемости пространства, стремление к его целостности, симметричности и завершенному характеру, сохраняется постоянно. Структура гештальт предполагает наличие определенного алгоритма, в основе устройства гештальта лежит сопоставление различных граней пространства, которые в личном измерении индивида могут носить системообразующий характер. Структура гештальт проявляется в виде психических феноменов. Э. Гуссерль вводит в свою феноменологию концепт «горизонт» как изначальное условии познания, доопытно включенное в структуру Lebenswelt.

Ключевые слова: Феноменология, горизонт, априори, Lebenswelt, гештальт, топика, топос.

Концепция «жизненного мира» (Lebenswelt) берёт своё начало в недрах феноменологической традиции. Впервые понятие жизненного мира представлено в «Картезианских размышлениях» и «Кризисе наук как выражение радикального жизненного кризиса европейского человечества» Э. Гуссерля, изданных в Германии после его смерти, но получивших распространение еще при жизни его последова-

телями по некоторым французским переводам и по его лекциям. В поздний период своего творчества Э. Гуссерль размышляет над историей и «кризисом европейских наук», преодоление которого видится ему только на путях трансцендентальной феноменологии. Кризис, в котором находятся не только науки, но и все «европейское человечество», связан с тем, что наглядное восприятие мира, делающее явным любые смысловые конструкции, постепенно все больше подменялось в ходе развития западных наук определенными конструктами, живой смысл которых был утрачен. «В ходе геометрической и естественнонаучной математизации мы примеряем к жизненному миру – миру, который постоянно дан нам как действительный в нашей конкретной мировой жизни, – вполне подходящее ему одеяние идей, так называемых объективно-научных истин, руководствуясь действительно и скрупулезно проводимым и постоянно подтверждающимся методом, осуществляем прежде всего определенные числовые построения, индуцирующие действительные и возможные чувственные полноты конкретно-созерцаемых гештальтов жизненного мира, и благодаря этому получаем возможность предвидеть конкретные, а именно доступные созерцанию в жизненном мире мировые события»[1]. Тем самым Э. Гуссерль выдвигает новое понятие – «жизненный мир», являющийся, по его убеждению, смысловым фундаментом всякого человеческого знания, в том числе и знания естественнонаучного. Непосредственно забвение жизненного мира, отчуждения от такового, разрыв с ним механики нового времени положил, по Э. Гуссерлю, начало превращению ее в объективистскую модель и тем самым подготовил кризис европейских наук. Жизненный мир появляется у Э. Гуссерля в виде противопоставления научным картинам мира как мир преднаучных установок, донаучного горизонта постижения реальности и одновременно предстаёт той незыблемой феноменологической основой, на которой зиждется будущее научное постижение мира.

Создание трансцендентальной феноменологии, согласно Э. Гуссерлю, есть создание подлинной философии. Феноменология служит обретению науками понимания самих себя; в раскрытии трансцендентальной субъективности она позволяет понять отношение между субъектом и сущим, преодолеть существующий разрыв между объективизмом и субъективизмом.

Что может наука сказать о разуме и неразумии, что может она сказать о нас, людях, как субъектах этой свободы? Наука всего лишь о телах, разумеется, ничего, ведь она абстрагируется от всего субъективного[2].

Таким образом, научный труд о кризисе, который должен проявлять основания европейского жизненного кризиса, был задуман в то же время как введение в трансцендентальную феноменологию. Поздняя философия Э. Гуссерля пытается преодолеть разрыв науки и философии, который стал причиной кризиса и утвердить феноменологию как трансцендентальную философию – «осуществительницу притязаний на универсальное знание, универсальную науку»[3]. Путь выхода европейской мысли из кризиса Э. Гуссерль усматривает в поиске принципиально новых основ, на которых могла бы базироваться наука, тех неоспоримых истин, которые бы делали науку прозрачной, явной, без воздействия на неё крайних форм идеализации. Эту роль могла взять на себя психология, но понимание психологии по образцу с естественными науками не позволили проявить сущность субъекта. Отсутствие тех основательных теоретических установок, на которых может найти базис подлинная наука, дает нам объяснение, для чего в поздней философии Э. Гуссерля появляется понятие жизненного мира. Именно поэтому все больший интерес у Э. Гуссерля вызывает концепция жизненного мира, т.е. мира, который наличествует в восприятии как данность прежде всякой науки таким образом, что сама наука исходит из него, являясь продуктом его превращения.

Какими средствами постижения жизненного мира мы располагаем? Каким образом жизненный мир предстаёт перед нами? Э. Гуссерль об этом пишет следующее: «Ему, миру действительного опытного созерцания, присуща пространственно-временная форма со всеми встраиваемыми в нее телесными гештальтами, в нем живем мы сами соразмерно способу бытия нашего живого

тела и нашей личности. Но мы не находим здесь никаких геометрических идеальностей, не находим ни геометрического пространства, ни математического времени»[4]. Действительно, жизненный мир – развернутый горизонт познания очевидностей, мир, не созданный нами искусственно, как, к примеру, любая математическая абстракция, а существующий как очевидность не вызывающая сомнения. Мир, который обосновывается в восприятии любого субъекта, в отличие от сложных научных построений. Это некая дорефлексивная реальность, не подминающая под себя другие, зачастую противоречащие ей элементы действительности. Именно на этой почве Э. Гуссерль усматривает базис любой научной парадигмы. Следовательно, для прояснения тех или иных научных понятий мы неминуемо должны обратиться к миру повседневного опыта.

Мир повседневного опыта, т.е. жизненный мир всегда соотнесён с субъектом, он надлежит субъекту, вследствие чего имеет конкретную телеологическую функцию, поскольку все его элементы соотнесены с целеполагающей деятельностью человека. Научная картина мира является таковой лишь при наличии в ней внутренней логики, последовательной соотнесённости между собой всех элементов и частей данной системы. Жизненный мир, напротив, не нуждается в четкой внутренней структуре, в нем, как правило, нарушены причинно-следственные связи и не сходятся концы с концами. Жизненный мир – скорее, мир субъективности, нежели объективности, но эта субъективность выступает для нас в роли априорно понятной, изначально данной. Если в раннем периоде своего творчества Гуссерль подчеркивал инвариантную структуру жизненного мира как переживаемой и значащей целостности, коррелятивной конституируемой целостности (пространственно-временным вещам, телесности, миру, горизонтности), то впоследствии он обращает внимание на генезис и историчность конституируемого мира, данного сознанию. Этот поворот привел к существенной модификации средств феноменологического анализа.

В поздней феноменологии Гуссерля появляется понятие горизонт, которое является предпосылкой всякой действительной и возможной практики, как универсум – базируется на непосредственных очевидностях и вытекающих из них форм ориентации и поведения. Горизонт – это структура, посредством которой конституируется жизненный мир. Из чего следует, что жизненный мир является повседневным опытным миром, историческим миром, в котором жили наши прародители и наши современники, известные и неизвестные нам. Жизненный мир – это дотеоретический, естественный мир опыта, в котором природа и дух даны в изначально созерцаемом взаимодействии. К нему должны быть редуцированы все созданные понятия, методы, теории науки.

Таким образом, основоположник трансцендентальной феноменологии продемонстрировал общекультурную значимость концепта Lebenswelt не только для философии и социогуманитарных наук, но и для естествознания. Э. Гуссерль показал, что понимание природы в естествознании нового времени является идеализированной абстракцией жизненного мира, которая ведет науку в область все более глубоко отчуждения от познающего субъекта. Э. Гуссерль указывает нам на возможность науки базироваться на основаниях повседневного, жизненного опыта и избегать ситуаций, когда ученый понимает в качестве действительности не реальное положение вещей, а продукты личной обобщающей методологии. В результате происходит незамеченная подстановка теории под реальность, и наука утрачивает видимую связь с жизненным миром человека.

Э. Гуссерль не дает однозначного определения понятию «жизненный мир», но указывает на противоречие: как может быть определено, то, что принципиально скрыто от нашего восприятия, но является неотъемлемой характеристикой нашего познания? «Это царство целиком и полностью замкнутого в себе субъективного, имеющего свой способ бытия, функционирующего во всяком опытном познании, во всяком мышлении, во всякой жизни, т. е. повсюду неотъемлемо присутствующего, и все же так никогда и не попавшего в поле зрения, так и оставшегося не схваченным и не понятым»[5].

Для определения жизненного мира, Э. Гуссерль все чаще обращается к понятию «горизонт». Концепт «горизонт»– удачное сравнение по отношению к Lebenswelt, так как горизонт является обязательным элементом любого взгляда. Горизонт – неотъемлемая составляющая любого взора на реальность вне зависимости от участка пространства, на котором мы располагаемся. Понятие горизонт проливает свет на феноменологию Э. Гуссерля, даже если мы обратимся к этому термину образно, как к некоей философской метафоре, мы легко обнаружим, что горизонт, будучи разделительной полосой, не обладает собственной сущностью, а является лишь продуктом отношения неба к земле. Это крайне важно в понимании специфического Гуссерлианского «царства субъективного». Горизонт принципиально недостижим, так как он будет постоянно удаляться при нашем приближении к нему, он постоянно расширяется. Несмотря на то, что горизонт указывает на границы актуального опыта, он так же представляется нам бесконечно развернутым, т.к. передвигается вместе с переживанием, неизбежно выводя к новым скрытым потенциям сознания, присущим самому этому переживанию. Мы никогда не знаем, что откроется нам за горизонтом, но что бы там не находилось, пока нами движет интерес, любопытство, интенция к познанию, то самое непознанное, будет влиять на сознание и заставлять нас осуществлять движение.

Горизонт в понимании Э. Гуссерля – аллегория максимальной широты, наиболее обширное пространство, всего, что может быть познано в принципе. «У нас есть мировой горизонт как горизонт возможного опытного познания вещей»[6]. Жизненный мир (Lebenswelt) не равен окружающему миру, и горизонт призван указать нам на это растождествление, призван очертить границы, которые проходят между welt и Lebenswelt. Горизонт есть необходимое условие всякой интенциональности, ибо сознание, даже представленное в феноменологии Э. Гуссерля потоком, должно быть чем-то ограниченно, оно не может воспринять welt целиком, это способность Бога или абсолютного духа, сознание, ударяясь о горизонт потенциально воспринимаемого, обрушивается на отдельный участок пространства. В строгом смысле горизонт – это досознательная структура, когда мы говорим о горизонте, необходимо помнить, что Э. Гуссерль располагает горизонт в «царстве субъективного» то есть обладающий потенциальной возможностью быть познанным, но не всегда являющийся актуальным, подверженным интенции. Следующее, о чем необходимо сказать, разбирая данное понятие, что Э. Гуссерль говорит минимум о двух горизонтах – внутреннем и внешнем. К внутреннему горизонту, познаваемого объекта, можно отнести круг подразумеваемых, но еще не развернутых его определений. Наряду с внутренним, перед нами раскрывается внешний горизонт вещи, образуемый со-присутствием других феноменов. Целокупность частных горизонтов органически сливаются в единый всеобщий горизонт, который мы понимаем как welt «мир». Таким образом, Э. Гуссерль говорит о горизонте как о некоем пред-данном условии познания, доопытно включенным в структуру Lebenswelt. Существенным для нашей работы, которая лишь только опирается на феноменологические установки, будет сам способ описания структур Lebenswelt Э. Гуссерлем. Примечателен тот факт, что Э. Гуссерль, критиковавший тип знания, базирующийся на предварительных теориях, которые являются не чем иным, как мыслимыми абстракциями, и «проповедующий» гносеологический «принцип всех принципов», т.е. беспредпосылочное, чисто созерцательное познание, для определения структур Lebenswelt, вынужден прибегать к термину «горизонт» позаимствованному им в оптической теории физики. Всякому познанию предшествует созерцание, а всякое созерцания возможно только благодаря априорным формам.

И. Кант выделяет ключевые, необходимые условия: «Пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств, т.е. субъективное условие чувственности, при котором единственно и возможны для нас внешние созерцания»[7]. В «Критике чистого разума» он дает описание только самых общих, базовых и безусловных для всех форм, обозначая их как априорные формы чувственности. Таким образом, лю-

бое мышление можно считать пространственным, в самом широком смысле, в силу того, что в своей основе, оно, так или иначе, будет опираться на априорные формы чувственности – пространство и время. Для нашего исследования более значимую роль будут играть локальные, региональные формы восприятия. Феноменальная природа вещей не позволяет нам, сложить, в должной мере, объективную картину окружающей реальности, вследствие чего сознание, интерпретируя многообразие отражающихся в нём вещей достраивает, в определенной степени, конструирует эту картину.

Э. Гуссерль пишет: «… мы уже понимаем, что в практике совершенствования, в свободном проникновении в горизонты мыслимого, «вновь и вновь» предпринимаемого совершенствования, всюду вырисовываются предельные гештальты [LimessGestalten], к которым как к инвариантным и никогда не достигаемым полюсам устремляется тот или иной ряд усовершенствований. Заинтересовавшись этими идеальными гештальтами и последовательно занимаясь их определением и конструированием новых из тех, что уже определены, мы и становимся «геометрами». Точно так же в отношении более широкой сферы, охватывающей и временное измерение, мы становимся математиками «чистых» гештальтов, универсальная форма которых есть пространственно-временная форма, сама тоже подвергнутая идеализации»[8]. Гештальт есть форма субъективации действительности, формирующая образ пространства в нашем восприятии, складывающийся благодаря опыту сознания. Иными словами, это устойчивая структура хабитуальных (привычных для нас) вещей и их отношений в рамках воспринимаемого участка пространства.

Когда мы говорили о горизонте, мы понимали его как границу потенциально воспринимаемого пространства, гештальт – это уже, скорее, завершенный пейзаж, с неотъемлемой составляющей линии горизонта. Lebenswelt это, по Э.Гуссерлю, царство субъективного, в котором постоянно пребывает сознание, горизонт есть неотъемлемая, общая для всех, константа этой субъективности, а гештальт есть завершенная структура этого субъективного царства, если угодно, его конституция, более точное сравнение – «генеральный план застройки». Человеческому сознанию не доступно познание в чистом виде, мы познаем всегда не «очищенный» феномен, мы не можем судить о феномене безотносительно, для нас он всегда соотнесён, включен в общую картину, которая изменяется полностью, если убрать самый незначительный, на первый взгляд, элемент.

Гештальт – это образ пространства, это завершенная картина, составные части, которой не сводимы к целому образу, не равны ему, гештальт есть сумма, которая меняется в зависимости от перемены мест слагаемых. «Брат мой Николай, сидя у себя в канцелярии, мечтал о том, как он будет есть свои собственные щи, от которых идет такой вкусный запах по всему двору, есть на зеленой травке, спать на солнышке, сидеть по целым часам за воротами на лавочке и глядеть на поле и лес… Он чертил план своего имения, и всякий раз у него на плане выходило одно и то же: a) барский дом, b) людская, c) огород, d) крыжовник»[9]. Гештальт – структура сознания, включенная, в более обширную, структуру всего Lebenswelt и является включенным понятием по отношению к жизненному миру. Если Lebenswelt – это мир, воспринимаемый во всей полноте, включая как временные так и пространственные формы, взятый в совокупном опыте восприятия, то гештальт – пространственная матрица идеализированного устройства. Природе сознания присуще стремление к наполненности пространства, и хотя плотность вещей, как и их конфигурация может различаться от индивида к индивиду, сам принцип наполняемости пространства, стремление к его целокупности, завершенности и симметричности сохраняется непременно. Структура гештальт предполагает наличие определенного порядка, в основе конституции гештальта лежит соотношение разных сторон пространства, которые в личном измерении индивида могут носить системообразующий характер. Структура гештальт проявляется в виде психических феноменов, таких как необъяснимое логическими доводами желание, например, ложиться спать головой в сторону двери, а ногами к окну. Очевидно предшествующий опыт, заданный христи-

анской картиной мира и обычаем выносить покойника ногами вперед детерминировал, изначально «верные» координаты положения человека? усвоенные им доопытно. Если пространственность– неотъемлемая форма восприятия реальности, то понятия горизонтали и вертикали также априорны и заранее заданы нашему сознанию, где диспозиция вертикаль/горизонталь будет являться остовом конституции гештальта.

«Измерительное искусство открывает практическую возможность выбрать в качестве мер известные эмпирические основные гештальты, конкретно устанавливаемые по эмпирически неподвижным телам, фактически находящимся в общем распоряжении, и посредством отношений, имеющих место (или подлежащих обнаружению) между ними и другими телами и гештальтами, интерсубъективно и практически однозначно определить эти другие гештальты — сперва в более узких сферах (например, в землемерном искусстве), а затем и для новых гештальтных сфер»[10]. Гештальт, будучи психологической установкой и одновременно концептом, несущим на себе черты пространственного происхождение крайне важен для нашего исследования, ведь он является переходной точкой от Гуссерлианского «царства субъективного», индивидуального жизненного мира к жизненному миру крупных сообществ объединенных общей структурой Lebenswelt. Гуссерль, говоря о гештальтах, понимает их как некие созданные заранее лекала, дабы сознание каждый раз не проводило изнурительные замеры, все уже выверено и вместе с опытом встроено в него, подобно звуковым файлам, нужного тембра и определенной громкости, сообщающих о следующих остановках автобуса или вагона метро. Эти файлы заранее встроены в проигрыватель, и их не нужно записывать каждый раз, перед тем как автобус подъедет к остановке.

«…Посредством упомянутых элементарных гештальтов, которые были заранее отличены как готовые ко всеобщему использованию, и в ходе сообща выполняемых с их помощью операций можно не только вновь и вновь конструировать другие гештальты, которые в силу порождающего метода однозначно определены в интерсубъективном плане»[11]. Соотнося столь многогранные понятия их можно выстроить в следующей зависимости по отношению друг к другу: Lebenswelt есть полная охваченность бытием, переживаемая личностно во всем многообразии априорных форм чувственности, есть по сути, единственная реальность, которая пребывает в сознании индивида и обладает для него статусом реальности в большей мере, нежели любые научные абстракции. Горизонт есть условная, номадическая, граница познаваемости, в рамках вышеприведенной структуры Lebenswelt. Конвенциональная функция соотношения верха и низа, неотъемлемый атрибут пространства, как априорной формы чувственности, позволяющий обозначить бинарную оппозицию горизонталь/вертикаль. Двигаясь в наших построениях от большего к меньшему, определяя все более локальные составные части структур Lebenswelt, являющиеся включенными по отношению к предыдущим, интересуясь их пространственной, а не темпоральной стороной, из феноменологии Гуссерля мы выделяем концепт «гештальт» – форму субъективации действительности, создающую образ пространства в нашем восприятии, складывающийся благодаря опыту сознания. Выше мы сравнивали гештальт с планом застройки, но наше логическое построение было бы неполным, если бы не ввели в эту цепочку «инструмент», без которого не возможно построение гештальта. Таким инструментом будет являться топика, при условии, что мы определяем её как способ пространственного мышления и архив, публичную библиотеку, некое общее место, куда по мере необходимости мы можем обращаться за получением необходимых доводов и готовых смыслов, дабы использовать их в нашем строительстве.

С точки зрения топики как пространственной формы мышления интерес к земле может проявляться на любом уровне сознания, мифологическом, научном, обыденном, он так или иначе найдет отражение в языке, в виду чего постигая объект посредством естественнонаучного инструментария мы неминуемо постигаем и остальные пласты исследуемого нами объекта. Более того, ученый, познавая

мир, всегда находится в Lebenswelt, всегда, будучи заключенным в его структуры, его сознание как сознание учёного будет сосредоточено на чем-то конкретном, оно не всегда будет фиксировать изначальный импульс данного интереса, который может иметь под собой эмоциональную или какую либо иную иррациональную основу. Э. Гуссерль описывал данную направленность сознания таким образом: «Теоретические задачи и свершения, как задачи и свершения естествознания (и знания о мире вообще), которые могут овладеть своей бесконечной тематикой только благодаря бесконечности метода, а этой бесконечностью – только благодаря техническому мышлению идей с выхолощенным смыслом, могут быть и оставаться действительно и изначально осмысленными только если ученый сформировал в себе способность спрашивать об изначальном смысле всех своих смыслообразований и методов: об историческом смысле изначального учреждения и, главным образом, о смысле всякого слепо принятого вместе с ним и всякого позднейшего смыслового наследия»[12]. Когда И. Кант говорил: «Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, это звёздное небо надо мной и моральный закон во мне», он, разумеется, не имел ввиду, что его занимает сугубо механика процессов, происходящих с небесными телами в космическом пространстве, скорее, он говорит о загадке, тайне, рождающей в нём пафос и являющейся отправной точкой в его философствовании.

References

1. Husserl E. Krizisevropeyskikhnaukitranstsendentalt'najafenomenologija [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology], M., 2004, 400 p. (In Russ.)

2. Kant I. Kritikachistogorazuma [Critique of Pure Reason], M., 2007, 736 p. (In Russ.)

3. Chekhov A.P. Kryzhovnik [Gooseberries] Chekhov A.P. Rasskazy. Povesti. P'esy, M., 1974, p.p. 441–449. (In Russ.)

---

[1] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. М.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. – С. 78.

[2] Там же. – С. 20.

[3] Бимель В. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Предисловие немецкого издателя. М., 2004. – С. 5.

[4] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. М., 2004. – С. 76–77 .

[5] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. М., 2004. – С. 155.

[6] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. М., 2004. – С. 188.

[7] Кант И. Критика чистого разума / Пер. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2007. – С.69.

[8] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. М., 2004. – С. 43.

[9] Чехов А.П. Крыжовник // Чехов А.П. Рассказы. Повести. Пьесы. М.: Художественная литература, 1974. С. 444

[10] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. М., 2004. – С. 46.

[11] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – С. 42.

[12] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – С. 85.